

И.С. Якубович

ЛУВИЙСКИЙ ЯЗЫК

1.0. Название.

Лувийский язык (Х.я.) — язык лувийцев, народа, населявшего центральные и южные области Анатолии (совр. Турция), а также северо-западную Сирию, во 2-м тыс. до н.э и первой половине 1-го тыс. до н.э.

Лувийский; англ. Luwian (преим. брит.) и Luvian (преим. амер.), нем. Luwisch, фр. louvite, итал. luvio. **Хеттское название лувийского языка** зафиксировано в клинописных документах в виде наречия *luwili* ‘по-лувийски’, производного от названия области Лувия, упоминаемой в хеттских законах (середина 2 тыс. до н.э.) как одна из основных частей древнехеттского царства. Нет никаких прямых сведений о самоназвании **лувийцев**. Поскольку лувийский оказался основным письменным языком новохеттских княжеств в первой половине 1-го тыс. до н.э, не исключено, что носители лувийского языка стали называть себя в этот период хеттами (так их называли, по крайней мере, их соседи — ассирийцы и урарты).

2.0. Локализация.

Основной ареал распространения Л.я. в середине 2-го тыс. до н.э. — центральная и южная Анатолия (территория современной Турции). Уже для первой половины 2-го тыс. до н.э. можно реконструировать распространенное хеттско-лувийское двуязычие, свидетельствующее о смежности двух языковых ареалов. Есть основания полагать, что в период, предшествовавший образованию хеттского царства, Л. я. обладал высоким престижным статусом, являясь, вероятно, официальным языком одного или нескольких могущественных анатолийских княжеств. Отсюда, в частности, лувийские заимствования в древнехеттский, относящиеся к политико-административной и идеологической сфере, напр. лув. *ubadid-* > др.-хетт. *ubadi-* ‘домен’, лув. *tumtanti-* ‘слышать’ > др.-хетт. *tumtantiya-* ‘послушание’.

В древнехеттский период лувийский, наряду с палайским, пользовался статусом регионального языка хеттского царства, о чем свидетельствует употребление лувийских и палайских гостевых выражений в хеттских текстах, относящихся к сфере государственной религии. С 14-го в. до н.э. отмечается присутствие больших групп лувийцев в хеттской столице Хаттусе, где Л.я. ассоциируется с городскими низами. К 13-му веку Л.я. становится основным разговорным языком хеттской столицы, при сохранении позиций хеттского языка в официальной сфере. Прямым свидетельством хеттско-лувийского двуязычия в Хаттусе 13-го в. до н.э. является большое количество лувийских гостевых слов в хеттских официальных текстах данного периода.

Уже в древнехеттский период можно констатировать распространение лувийского языкового ареала на территорию юго-восточной Анатолии (княжество Киццуватна, классическая Киликия). Структурные особенности лувийского диалекта Киццуватны указывают на высокую вероятность его формирования в условиях лувийско-хурритского двуязычия (ср. 6.0). В связи с распространением хетто-лувийского двуязычия в последние два века существования хеттского царства, хеттская территориальная экспансия, вероятно, привела к дальнейшему расширению лувийского языкового ареала, в том числе на территорию северо-западной Сирии. После распада империи хеттов и прекращения письменной фиксации хеттского языка в начале 12 в. до н.э. его административные функции полностью переходят к лувийскому языку на всей территории новохеттских княжеств.

Численность носителей лувийского языка не поддается точному определению. Следует, однако предполагать, что лувийцы преобладали над хеттами в численном отношении во второй половине 2 тыс. до н.э., поскольку иначе сложно объяснить неуклонный языковой сдвиг от хеттского к лувийскому в хеттском царстве при сохранявшейся политической и культурной доминантности хеттского языка.

3.0. Генетическая принадлежность

Л.я. — принадлежит к анатолийской (хетто-лувийской) группе индоевропейской семьи языков. Ближайшими родственниками лувийского языка являются языки лувической подгруппы, ликийский (А), милийский (ликийский Б) и карийский. Подробнее о генетической аффилиации Л.я. см. статью «Анатолийские языки».

Дешифровка Л.я. и идентификация его генетической принадлежности проходили в несколько этапов. Уже в 1880 году английскому ученому А. Сейсу удалось установить значения анатолийских иероглифических знаков REX ‘царь’ и REGIO ‘царство, страна’. Однако дальнейший процесс дешифровки был затруднен неизвестностью генетических связей языка анатолийских иероглифов. Открытие богазкейских архивов и дешифровка хеттского языка в начале 20-го века привели к осознанию родства хеттского языка и лувийского языка клинописных текстов, а также принадлежности обоих к индоевропейской семье. В первой половине 30-х годов 20-го века были сделаны первые шаги в дешифровке лувийских иероглифических текстов на основании допущения, что они написаны на «иероглифическом хеттском» языке. Ведущую роль на данном этапе исследований играли И. Гельб, П. Мериджи, Э. Форер и Б. Грозный. Существенную роль в уточнении дешифровки сыграло открытие в 1947 году пространной лувийско-финикийской билингвы KARATEPE. В 50-е и 60-е гг. Э.Лярош показал в ряде статей, что

клинописный лувийский, «иероглифический хеттский» и ликийский языки образуют одну подгруппу внутри анатолийских языков, которую мы сейчас называем лувической. Однако осознание того, насколько близки лувийские диалекты клинописных и иероглифических текстов пришло лишь после публикации статьи Д. Хокинса, А. Морпурго-Дэвис и Г. Ноймана «Hittite hieroglyphs and Luwian: New Evidence for the Connection» (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen (Philologisch-historische Klasse) 6: 145-97. 1974), в которой предложены новые чтения ряда частотных анатолийских иероглифов. После этого вместо «иероглифического хеттский» вошел в употребление более правильный термин «иероглифический лувийский». Однако в книге «Sociolinguistics of the Luvian Language» (2009) я постарался показать, что внутрилувийские диалектные изоглоссы не совпадают с границами, разделяющие корпуса клинописных и иероглифических текстов, и поэтому лучше говорить едином лувийском языке.

4.0. Характер памятников; тип письменности

Для фиксации Л.я. использовались две системы письменности, слоговая и иероглифическая. Все лувийские тексты, затранскрибированные клинописными писцами, записаны на глиняных табличках, и большинство из них относится к сфере практической магии. Древнейшая фиксация лувийского языка в клинописи относится, вероятно, к 15-му в. до н.э. Клинописные фрагменты не опираются на разработанную письменную норму, а скорее являются транслитерацией лувийского языкового материала, включенного в хеттские тексты. Можно предположить, что причиной употребления лувийских заклинаний без перевода на хеттский в ритуальных текстах была осознанная необходимость сохранения их иллокутивной силы. Частое маркирование одиночных лувийских гостевых слов в хеттских текстах при помощи «глоссового клина» свидетельствует о том, что хеттские писцы воспринимали их, как ненормативные. Клинопись перестает употребляться в Анатолии после падения хеттского царства в начале 12 в. до н.э., в том числе и для фиксации лувийского языка.

Лувийский язык приобретает официальный письменный статус в 13 в. до н.э., когда он начинает ассоциироваться с анатолийским иероглифическим письмом. Однако в тот период разработка орфографической нормы находилась в зачаточном состоянии, часты ребусные написания и надписи с минимальным количеством фонетических компонентов (напр. SÜDBURG). О стандартизации Л.я. можно говорить лишь в применении 1 тыс. до н.э. Иероглифические тексты данного периода содержат большое количество исторических и гиперкорректных написаний, свидетельствующих о развитой орфографической традиции.

Среди иероглифических лувийских текстов преобладают монументальные надписи, принадлежащих последним хеттским царям и правителям новохеттских княжеств. Сохранилось также определенное количество деловых документов, выполненных иероглифическим письмом на свинцовых табличках. Из хеттских источников известно широкое употребление для письма вощенных деревянных табличек. Неоднократно высказывалось предположение, что именно этот носитель способствовал в первую очередь распространению лувийских текстов, записанных иероглифическим письмом, однако археологическое подтверждение данной гипотезы пока отсутствует.

Дешифровку лувийского языка нельзя считать вполне законченной и поныне. Тем не, менее, на нынешней стадии этого процесса удалось достичь понимания большинства иероглифических и значительной части клинописных лувийских текстов. Для иероглифического корпуса основным справочным изданием является монументальный труд Д. Хокинса «Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions of the Iron Age» (2000), содержащий транслитерацию, перевод и комментарий лувийских текстов, составленных после падения империи хеттов. Пространные иероглифические надписи хеттского периода опубликованы в том же формате в более раннем труде Д. Хокинса «The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattisa (SÜDBURG)» (1995), хотя последняя публикация содержит устаревшие интерпретации. Подавляющее большинство клинописных лувийских текстов собраны в работе Ф. Штарке «Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift» (1985), где они приводятся без перевода и комментария. Этот недостаток частично восполняется наличием глоссария к данной группе текстов, подготовленного К. Мелчертом («Cuneiform Luwian Lexicon», 1993). К. Мелчерту также принадлежит наиболее современный очерк лувийской грамматики («Language», The Luwians, C. Melchert (ed.), 2003, стр. 170-210). Единственная русскоязычная монография по Л. я. (И.М. Дунаевская, «Язык хеттских иероглифов», 1969), к сожалению, устарела.

Основные принципы и набор знаков слоговой клинописи, употреблявшихся для транслитерации лувийских слов, выражений и текстов, совпадают с соответствующими параметрами хеттской клинописи (см. соотв. раздел). Графической особенностью передачи лувийских слов в клинописи являются частое употребление дополнительного гласного <a> (т.е. написание plene), в начале словоформ, напр. *a-an-ta* ‘в’, *a-an-ni-i-* ‘совершать, причинять’, *a-ad-du-wa-a-li-* ‘злой’. Подобные написания, скорее всего, не отражают ударение или долготу, а скорее используются для передачи начальной глоттальной смычки (напр. [ʔanda] ‘в’), подобно тому, как это имело место в ассирийской клинописи. Для транслитерации лувийских клинописных заклинаний характерно также более редкое употребление шумеро- и аккадограмм по сравнению с общей практикой хеттских ритуалов.

Анатолийские иероглифы представляют собой оригинальную слоговую систему письма зародившуюся и развившуюся на территории Анатолии, в двуязычной хеттско-лувийской среде. Подобный вывод можно сделать на основании акрофонического анализа иероглифических силлабограмм, различные

группы которых восходят по своему звучанию к начальным слогам хеттских и лувийских лексем. Так например, идеограмма PES, использовавшаяся для обозначения ноги и глаголов движения, имеет фонетическое чтение <ti>, выделившееся из хеттского глагола *tiya-* ‘ступать’, а идеограмма SIGILLUM ‘печать’ имеет фонетическое чтение <sa₃>, полученное при посредстве лувийского существительного *sasanza* ‘печать’. Древнейшие иероглифические надписи обнаруживаются именно на печатях хеттских царей и чиновников (14 в. до н.э.), представляя собой короткие легенды, которые в принципе можно читать как по-хеттски, так и по-лувийски. Выбор новой системы письма для личных печатей, в противовес уже освоенной месопотамской клинописи, скорее всего, определялся на этом этапе националистическими соображениями. К 13-му веку до н.э. относится появление более пространных иероглифических текстов, язык которых – уже несомненно лувийский. Если верно предположение о письме иероглифами на деревянных табличках, то возможно расширение сферы употребления анатолийских иероглифов повлекло их вторичную ассоциацию с Л.я., как основной системой устной коммуникации на закате хеттского царства.

Суммарный инвентарь анатолийских иероглифов насчитывает более 500 знаков, причем чтение приблизительно половины из них пока не поддается точному определению, как правило, ввиду редкого или окказионального характера соответствующих символов. Наиболее частотны слоговые знаки вида CV, знаки CVCV использовались реже, также употреблялись идеограммы и детерминативы. В лувийских текстах 1 тыс. до н.э. встречаются, хотя и непоследовательно, словоразделители (в транслитерации <|>) и символы выделения идеограмм (<“ ”>). Существенной особенностью анатолийской иероглифики по сравнению с клинописью является отсутствие знаков структуры VC, что делает невозможным однозначную передачу консонантных сочетаний. В большинстве случаев кластеры C₁C₂ передаются как C₁a-C₂V, но /n/ перед другой согласной просто не отражается на письме. Другой важной особенностью является широкое употребление детерминативов с глагольными формами, тогда как в хеттской клинописи они, как правило, употребляются лишь с именами. Третья особенность – это употребление фонетических индикаторов, то есть специальных силлабограмм, которые используются для уточнения чтения идеограмм, не передавая при этом точный фонемный состав или положение соответствующего слога. Необычная черта анатолийского иероглифического письма – это так называемое «подвижное а», которое может перемещаться из начала в конец словоформы, напр. *mi-sa-a* вместо ожидаемого **a-mi-sa* /əmis/ ‘мой’.

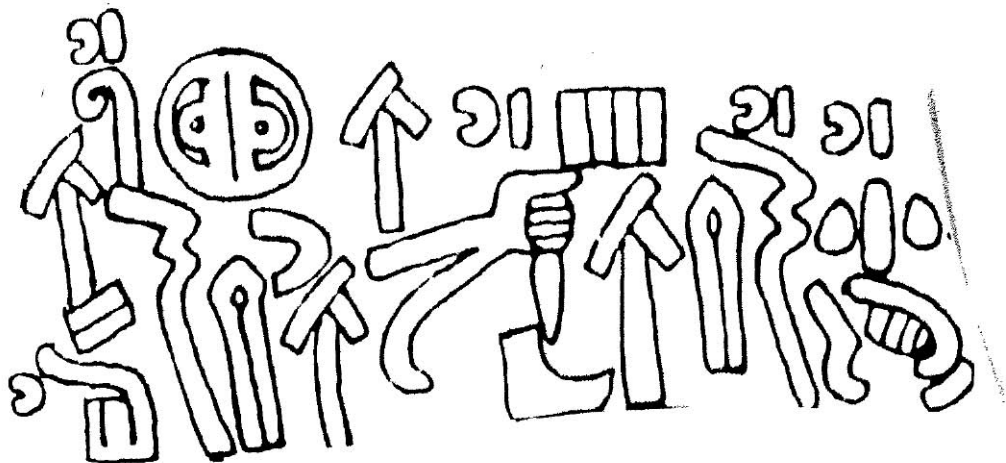
При транслитерации анатолийских иероглифов используются следующие конвенции. Отдельно стоящие графемы одной словоформы соединяются дефисами, а графемы, входящие в состав лигатуры – знаком «плюс», напр. *i+ra/i-há- /irha-/* ‘граница’. Как и в клинописи, действует правило, согласно которому омонимичные символы выступают в транслитерации под своими номерами, но номер 2 заменяется знаком «акут», а номер 3 – знаком «гравис» (так, в примере приведенном выше, <há> = <ha₂>). Наиболее распространенные логограммы и детерминативы, функции которых, как правило, хорошо известны, транслитерируются заглавными буквами, а их значение или иконография по традиции кодируются по-латыни, напр. <REX> ‘царь’, <CRUX> – знак в форме креста. Детерминативы, в отличие от идеограмм, не соединяются дефисом с детерминируемой лексемой и записываются в круглых скобках, напр. лув. *tarwanis* ‘правитель’ может записываться при помощи идеограммы с фонетическим комплементом IUDEX-*ni-sa* или выписываться полностью с детерминативом как (IUDEX)*tara/i-wa/i-ni-sa*. Менее распространенные идеограммы/детерминативы могут транслитерироваться при помощи номеров под которыми они выступают в каталоге Э.Ляроша «Les idéroglyphes hittites» (1960), напр. *462. Заглавный курсив используется для обозначения фонетических индикаторов, напр. PRAE-*ia* AUDIRE+MI-*ma-ti-mi-i-sa* = *parriya tummantimis* ‘прославленный’, INFANS-*NI-sa* = *nimuwizzas* ‘сын’. Заглавным курсивом также записываются немногочисленные идеограммы, чье значение передается «по-лувийски» а не по-латыни за отсутствием латинских эквивалентов, напр. <HALPA> ‘город Алеппо’, <SARMA> ‘бог Саррума’.

Пространные иероглифические надписи часто подразделяются на горизонтальные регистры, заполняемые бустрофедом (первый регистр сверху заполняется справа налево, второй – слева направо, третий – опять справа налево и т.д.). В свою очередь, каждый регистр обычно составляет 2-3 символа в высоту, причем «столбцы» регистра последовательно заполняются сверху вниз. Исключение составляют те случаи, когда формы знаков создают естественные лакуны или выступы, искажающие форму последующих столбцов. Следует отметить наличие монументального и курсивного вариантов у большинства знаков. Первые обычно высекались как барельефы, вторые процарапывались по камню или на свинцовых табличках, но существуют и тексты, в которых монументальные и курсивные начертания соседствуют друг с другом. Наличие подобных вариантов, разумеется, затрудняют и без того сложную задачу чтения анатолийских иероглифических текстов.

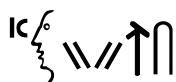
Палеографически различают два основных периода в развитии анатолийских иероглифов: хеттский (до 13 в. до н.э.) и новохеттский (1 тыс. до н.э.), между которыми лежат два «темных века», характеризующихся пониженной письменной активностью. Кроме разницы в форме знаков, фиксируются и функциональные различия: например знак <ali> хеттского периода (*416) развился в знак <la/i> новохеттского периода (*319), а знак *445, имевший фонетическое чтение <lu> в хеттский период, приобрел в новохеттский период более широкое чтение <la/i/u>. В дополнение к этому следует отметить существенное учащение фонетических написаний лексем в новохеттский период.

Представляется целесообразным проиллюстрировать принципы чтения и транслитерации анатолийских иероглифических текстов на конкретном примере (MARAŞ 1 §2). Ниже приводится фрагмент

лувийского текста (который следует читать справа налево) вместе с его линейной разверткой в нормализованной графике, познаковой транслитерацией, стянутой транскрипцией, глоссировкой и переводом. Несоответствие форм знаков <mu> и <ta> в оригинальной и нормализованной графике объясняется употреблением курсивных начертаний в надписи MARAŞ 1. О различии между познаковой транслитерацией и стянутой транскрипцией см. 5.1.0. **Грамматический разбор** данного предложения приводится ниже в разделе 5.3.1.

|wa/i-mu
wa=mu

|á-mi-zi-i
aminzi

|tá-ti-zi
tadinzi

DEUS-ni-zi-i
massaninzi

|(LITUUS)á-za-ta
azzanta

5.0.0. Лингвистическая характеристика

Л.я. и его соседей сближает ряд структурных характеристик, которые не могут объясняться общим происхождением. С высокой вероятностью к контактно обусловленным явлениям Л.я. относится предполагаемая нейтрализация унаследованной оппозиции между звонкими и глухими (или напряженными и ненапряженными) согласными в начальной позиции в слове. Данное распределение, в целом характерное для языков анатолийской группы, находит близкую параллель в хурритском языке, но не в близкородственном ему урартском. С типологической точки зрения, оно является достаточно необычным, и поэтому его можно объяснять влиянием общего субстрата. Субстратное происхождение также может иметь запрет на начальное *r*-, в целом характерный для языков древней Анатолии, но не для индоевропейского праязыка (впрочем, в лувийском языке 1 тыс. до н.э. начальное *r*- снова оказывается допустимым в результате упрощения консонантных сочетаний). На морфологическом уровне, можно предполагать общее субстратное происхождение для феномена падежной аттракции в хеттском языке, лувийских притяжательных прилагательных, и посессивных конструкций с «двойным падежом» в хуррито-урартском. Однако генетическая принадлежность субстрата во всех вышеуказанных случаях остается неопределенной.

5.1.0. Фонологические сведения

Ниже приводится предположительная интерпретация лувийской фонологической системы в нотации, приближенной к Международному фонетическому алфавиту. Относительно конвенций передачи подобной системы в клинописной транслитерации, особенно в отношении согласных, см. статью «хеттский язык».

Гласные:

передний	средний	задний	
Верхний	i i:		u u:
Средний		ə (?)	
Нижний		a a:	

Согласные:

по способу образования	по месту образования
------------------------	----------------------

			губные	зубно- альвеолярные	пала- тальные	велярные	велярные огубленные
шум- ные	взрывные	напряженные	p:	t:		k:	k ^w
		ненапряженные	p	t		k	k ^w
	фрикативные	напряженные	f	s:		x:	x ^w
		ненапряженные		s		x	x ^w
	аффрикаты	напряженные		ts:			
		ненапряженные		ts			
сонан- ты	носовые	напряженные	m:	n:			
		ненапряженные	m	n			
	боковые			l:			
		слабые		l			
	дрожащие	сильные		ɾ:			
		слабые		ɾ			
	глайды		w		j		

Как и в случае хеттского языка, «научная» транскрипция, подобная приведенной выше, может использоваться в работах по Л.я. лишь при обсуждении узких фонологических проблем. Вместо этого для записи лувийских форм мы будем использовать как познаковую транслитерацию, так и упрощенную «стянутую запись». При транскрибировании лувийских согласных следует принимать во внимание традиционные конвенции анатолистов, поэтому предлагаемая здесь стянутая запись не основана на принципах Международного фонетического алфавита. Подобная практика обусловлена еще и тем, что в ряде случаев не представляется возможным установить точные артикуляторные характеристики лувийских согласных фонем. **Вместе с тем, впервые предпринята попытка использовать единую стянутую запись для клинописных и иероглифических текстов, пусть даже ценой определенной потери информации и интерпретации на этапе перехода от транслитерации к стянутой записи.**

Как клинописная, так и иероглифическая орфография различает три ряда гласных, *a*, *i*, *u*. На основании аналогии с хеттским, предполагается, что долгота гласных в клинописных лувийских текстах могла иконически выражаться написанием дополнительного гласного при знаке CV или VC (т.н. написания *plene*). Примеры квази-минимальных пар: *a-ad-du-wa-al-za* ‘злое (ном./акк. ср.)’ vs. *a-ad-du-wa-a-al* ‘злые (ном./акк. ср.)’, *za-aš-ti* ‘этому (самому)’ vs. *za-a-ti-i* ‘так’, *wa-a-šu-un* ‘доброго (акк.ед.общ.)’ vs. *hi-i-ru-ú-un* ‘клятву (акк.ед.общ.)’. Следует, однако, помнить, что написания *plene* в начальной позиции могли выполнять также и другую функцию, а именно передавать начальную глоттальную смычку (см. 1.4.0.). Нередки случаи непоследовательного написания *plene* в клинописных текстах, напр. *du-ú-pa-im-mi-in* и *du-ra-a-im-mi-in* ‘ударенного (акк.)’. Функции написаний *plene* в иероглифических текстах недостаточно изучены; представляется, что они имели орнаментальный характер, а контраст по долготе не выражался на письме.

Напротив, контраст между /a/ и /ə/ обнаруживается в первую очередь в иероглифических текстах, хотя и лишь в начальной позиции. Начальный иероглиф <a> предположительно передает нестабильную фонему /ə/, а начальный иероглиф <á> соответствует фонемам /a/ и /a:/. Неустойчивость начального /ə/ следует из графического феномена «подвижного а» - предполагается, что написания типа *mi-sa-a* ‘мой’, вместо ожидаемого **a-mi-sa* /əmis/, указывают на возможность афарезы /ə/ в быстром произношении. Исторически, /ə/ восходит к *a, и возможной причиной развития *a>ə был сингармонизм, ср. **a-mi-sa* /əmis/ ‘мой’ vs. *á-ma-za* /amantsa/ ‘мое’. Других указаний на конкретную фонетическую реализацию начального <a> не имеется, и поэтому транскрипцию /ə/ следует считать условной. Возможно начальные /a/ и /a:/, в отличие от начального /ə/, приобрели протезу в виде нефонологичной глоттальной смычки, что объясняет дистрибуционное ограничение графемы <á> начальной позицией в словоформе (собственно <á> = [ʔa]). Подобная интерпретация затрудняется, однако, отсутствием четкого соответствия между употреблением <á> в иероглифических текстах и написаниями дополнительного начального <a> в клинописных текстах.

При стянутой записи лувийских примеров мы будем придерживаться упрощенной нотации с тремя гласными *a*, *i*, и *u*, без различия долгот и фонемы /ə/. Это объясняется неясностью многих деталей связанных с интерпретацией написаний *plene* и контрастом между иероглифами <a> и <á>. К этому следует добавить дистрибуционные соображения: как долгота гласного, так и фонема /ə/ графически выражаются лишь в одной из двух систем письма, при этом написания *plene* являются факультативными, а графический контраст между /ə/ и /a/ ограничен начальной позицией в словоформе. Поэтому значительное число лексем лувийского корпуса всегда нейтрализует в графике дополнительные вокалические оппозиции.

В историческом плане, основной особенностью лувийского вокализма по сравнению с хеттским является исчезновение тембра *e*. В большинстве случаев хеттскому *e* соответствует лувийское *a*, причем действует так называемый «закон Чопы» - интервокальная гласная, следующая за **e*>*a* становится напряженной, что обозначается геминацией в стянутой записи, напр хетт. *peran* ~ лув. *parran* ‘перед’, хетт. *idalu*- < **edalu*- ~ лув. *attuwal(i)*- ‘злой’.

Принципы отражения лувийских согласных в стянутой записи могут быть резюмированы в следующей таблице:

по способу образования			по месту образования				
			губные	зубно- альвеолярные	пала- тальные	велярные	велярные огубленные
шум- ные	взрыв- ные	напряженные	<i>p-</i> , <i>-pp-</i>	<i>t-</i> , <i>-tt-</i>		<i>k-</i> : <i>-kk-</i>	<i>kw-</i> , <i>-kkw-</i>
		ненапряженные	<i>-b-</i>	<i>-d-</i>		<i>-g-</i>	<i>-gw-</i>
	фрика- тивные	напряженные		<i>s-</i> , <i>-ss-</i>		<i>h-</i> , <i>-hh-</i>	<i>hw-</i> , <i>-hhw-</i>
		ненапряженные		<i>-s-</i>		<i>-h-</i>	<i>-hw-</i>
	аффри- каты	напряженные		<i>z-</i> , <i>-zz-</i>			
		ненапряженные					
сонан- ты	носо- вые	напряженные	<i>m-</i> , <i>-mm-</i>	<i>n-</i> , <i>-nn-</i>			
		ненапряженные	<i>-m-</i>	<i>-n-</i>			
	боко- вые	напряженные		<i>l-</i> , <i>-ll-</i>			
		ненапряженные		<i>-l-</i>			
	дрожа- щие	напряженные		<i>-r-</i> : <i>-rr-</i>			
		ненапряженные		<i>-r-</i>			
	глайды		<i>w</i>		<i>y</i>		

Автоматические правила перехода от транслитерации хеттских текстов к стянутой записи хеттских согласных, представленные в разделе 2.1.1 статьи «хеттский язык», также применимы в целом и к лувийскому (отметим, однако, передачу лабиовелярных с элементом *w* и снятие диакритик у фрикативных). Что касается лувийских иероглифических текстов, соответствующие правила перехода носят здесь интерпретационный характер. Большинство иероглифических силлабограмм не различают между парами напряженных и ненапряженных согласных (напр. написание *a-pa* может соответствовать как *appa* так и *aba* в стянутой транскрипции). Исключение составляет контраст между знаками <*ta*>, <*tà*>, использовавшимися для напряженного взрывного *t-*, *-tt-* и знаком <*tà*>, употреблявшимся для его ненапряженного коррелята *d-*. В тех случаях, когда определенная морфема засвидетельствована лишь в иероглифической передаче, интерпретация интервокальных согласных по принципу напряженности требует этимологического анализа, а иногда просто невозможна. С другой стороны, иероглифический силлабарий, в отличие от клинописи, включает специальные знаки для слогов, начинающихся с лабиовелярных: <*REL*> = <*kwa/i*> с фонетическим чтением /*k^wa(:)*/ или /*k^wi(:)*/ и <*HWT*> = <*hwa/i*> с вероятным фонетическим чтением /*x^wa(:)*/ или /*x^wi(:)*/.

По своей структуре, лувийская система консонантизма представляется идентичной хеттской. В частности, для всех согласных фонем кроме глайдов, зафиксировано противопоставление по признаку напряженности/ненапряженности, напр. *appa* ‘назад’ vs. *aba-* ‘тот’, *arra(ya)-* ‘длинный’ vs. *ara-* ‘срок’ и т.д. Это, разумеется, не означает, что все лувийские согласные синхронно и исторически соответствуют хеттским. Например, хеттские и лувийские аффрикаты имеют в большинстве случаев различное историческое происхождение (соотв. палатализация дентальных смычных и развитие глухого палатовелярного), и их фонетическая реализация также могла сильно отличаться друг от друга. Скорее, структурное сходство между хеттским и лувийским инвентарем согласных может объясняться в ареальных терминах, а возможно и как следствие влияния общего субстрата (ср. 1.6.0).

Существуют серьезные ограничения позиционного характера. Противопоставление по напряженности нейтрализовано в начальной позиции в словоформе в пользу напряженного согласного (ср. отсутствие употребления иероглифа <*tà*> в данной позиции). Кроме того, сонант *r* не встречается в анлауте. Согласные, которые могут появляться на конце словоформы – это *s*, *n* (часто) и *z*, *l*, *r* (реже). Несмотря на отсутствие прямых графических указаний, можно предполагать из общих типологических соображений, что в ауслаутной позиции могут встречаться лишь ненапряженные варианты согласных. Предполагается также, что оппозиция по напряженности-ненапряженности реитрализована в консонантных сочетаниях, хотя не представляется возможным реконструировать точную артикуляцию согласных в каждом конкретном кластере. При транслитерации нейтрализованных элементов кластеров используются те же конвенции, что и в анлауте.

Орфография не позволяет определить, встречались ли в начальной позиции в словоформе какие-либо консонантные сочетания, но единственные кластеры, вероятные с этимологической точки зрения – это сочетания шумных с плавными (*CR-*). Например, лув. проверб *pa-ri-i* (кл.), *pa+ra/i* (иер.) может быть сопоставлен с лат. *praе* и рус. *пре-*, но остается открытым вопрос, стоит ли за лувийскими написаниями /*pri*/ или /*pa/i*/. Если форма *pa-a-ri* (кл.), встречающаяся в неясном контексте, является вариантом того же проверба, это свидетельствовало бы в пользу гипотезы об эпентезе */*pri*/ > /*pa/i*/ в лувийском. Еще более вероятно отсутствие консонантных сочетаний на конце лувийских словоформ. Так напр. *Tar-hu-un-za* (кл.) ‘бог грома (им. ед.)’ скорее следует читать /*tarxuntsa*/, а не /*tarxunts*/, поскольку в позднелувийском

засвидетельствована вторичная форма (DEUS)TONITRUS-*hu-za-sa* = /tarxuntsas/ с обновлением показателя именительного падежа -s.

Синхронный характер ударения в Л.я. не ясен. Можно, однако, провести различия между полноударными словоформами, разделяемыми словоразделами, и энклитиками, присоединяемыми на письме к предшествующим словоформам. В стянутой транскрипции границы между клитиками обозначаются знаком =.

5.1.1. Слог

Исходя из предполагаемого отсутствия конечных консонантных сочетаний можно далее предположить, что максимальным слогом в лувийском языке был *CV(:)C*. Вместе с тем, ни клинопись, ни тем более анатолийские иероглифы не позволяют отобразить напрямую инлаутные сочетания *CCC*, поэтому невозможно опровергнуть теоретическую возможность существования подобных кластеров. Не установлено ритмической корреляции между долготой гласной и формой слога, ср. *la-a-an-du* (кл.) ‘пусть возьмут’, предположительно содержащий «сверхдолгий» слог *CV:C*.

5.1.2. Типы чередований

а) Свободное варьирование.

О неустойчивости /ə/ в начальной позиции см. 2.1.1. Нередки случаи стяжений **iya>i* и **uwa > u* внутри слова, напр. 3.ед. през. *a-ri-it-ti* (кл.) vs. 3.ед. имп. *a-ri-ya-ad-du* (кл.) от *ari(ya)*- ‘поднимать’, 3.ед. прет. *wa-al-li-it-ta* (кл.) vs. 3.ед. прет. *wa/i-li-ia-ta* (иер.) от *walli(ya)*- ‘восхвалять’, 3.ед. прет. *tu-wa/i-ta* (иер.) vs. 3 мн. пов. *du-ú-un-du* (кл.) от *tu(wa)*- ‘ставить’.

Сочетание «гласная+n» в позиции перед аффрикатой могло sporadически реализовываться как соотв. носовая гласная. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи опущения *n* в клинописной орфографии (в иероглифической орфографии оно регулярно не передается в данном контексте). Примеры: *hu-u-up-ra-ra-za* (кл.) < **hupparanza* ‘пояса (вин. мн.)’, *ti-wa-an-na-al-li-zi* (кл.) < **tiwannalinzi* ‘?’ (им. мн.)’. В позиции перед смычным *t* то же сочетание могло отражаться с лабиальным призвуком: *na-ak-ku-uš-ša-a-u-un-ta* (кл.) < **nakkussanta* ‘они предоставили козла отпущения’, *wa/i-la-u-ta* (иер.) < **walanta* ‘они умерли’.

В клинописных текстах засвидетельствован ряд случаев выпадения заднеязычного -h- перед *w* и *u*: *siwal* и *sehuwal* ‘стилет’, *lahuni*- и *launai*- ‘мыть’. Отсутствие сходных примеров в иероглифических текстах возможно является случайным. Нередки также случаи упрощения *ai>a*, напр. 3 мн. пов. *a-ru-na-in-du* и *a-a-ru-na-an-du* (кл.) от *arunai*- ‘?’, 3 мн. пов. *ú-i-da-a-in-du* vs. 3 мн. прет. *wi₃-ta-an-da* от *widai*- (кл.) ‘ударять’. Морфологическое развитие *ai>a* является более регулярным при образовании именных парадигм, см. 5.2.2.

б) Фонетически обусловленные чередования.

Сочетание двух дентальных смычных на морфемной границе развивает эпентезу и реализуется как /tst/: ср. 2 мн. през.мед. *az-tuwari* vs. 3 мн. през. *ad-antu* от *ad*- ‘есть’. Сочетание *n* или *l* с последующим *s* на морфемной границе также развивает эпентезу. Это проявляется в первую очередь при присоединении дополнительного суффикса ном.-акк. ед. ср. -sa: {tarut-sa} → *tarusa* ‘статуя’, {uttar-sa} → *uttarsa* ‘слово’, но {parnan-sa} → *parnanza* ‘дом’, {attuwal-sa} → *attuwalza* ‘злое’. Зубно-альвеолярные взрывные, запрещенные в ауслауте принципами лувийской фонотактики (5.1.0), выпадают в данной позиции, ср. напр. ном.-акк. ед. *annarumahi* от основы *annarumahid*- ‘мужество’. Отмечены также случаи ассимиляции -n > -m перед клитикой =pa: {man=pa} → *tam=pa* ‘если же’, {nanun=pa} → *nanum=pa* ‘теперь же’.

в) Морфологически обусловленные чередования.

По сравнению с хеттским языком, чередования по аблауту играют гораздо более скромную роль в структуре лувийского языка. Это в первую очередь связано с исчезновением фонемы /e/ в лувийском, делающим невозможным количественный аблаут.

Как вероятный пример аблаутного чередования по долготе можно рассматривать 3 ед. пов. *a-a-aš-t[u]* (кл.) ‘пусть будет’ с долгой корневой гласной (графическое superplene) vs. 3 мн. пов. *a-ša-an-du* (кл.) ‘пусть будут’ с краткой корневой гласной. Данный анализ затрудняется однако наличием многочисленных форм типа *a-aš-tu* ‘пусть будет’, где корневое plene можно интерпретировать и как долготу, и как протезу глоттальной смычки.

Пример морфологического чередования *i-ai*, исторически не связанного с аблаутом: 3 ед. през. *tubidi* / 3 мн. през. *tubainti* (кл.) от *tub(a)i*- ‘бить’, 3 ед. през. *sanidi* / 3 мн. прет. *sanainta* от *san(a)i*- ‘прятать’.

О феномене *i*-мутации в именном склонении см. 5.2.1

По сравнению с хеттским языком, в лувийском более регулярно чередование между напряженным -tt- и ненапряженным -d- (лениция). Данная альтернатива характерна для ряда глагольных окончаний, которые оказываются распределены в зависимости от типа основы: напр. 3.ед. през. *ari-tti* от *ari(ya)*- ‘поднимать’ vs. 3 ед. през. *tubi-di* от *tub(a)i*- ‘бить’. На протоанатолийском уровне лениция могла быть фонетически обусловлена, но фонетические процессы, характерные для Л.я. затемнили первоначальное фонетическое распределение, что и позволяет отнести данное чередование к числу морфологических.

На стыке местоименных клитик *i* и *u* может выпадать перед *a*: {a=wa=mu=ada} → *a=wa=m=ada* ‘част.=част.=меня=они’ (иер.); {a=wa=mi=an} → *a=wa=m=an* ‘част.=част.=себе=его’. Данное чередование,

однако, зафиксировано лишь для клитик первого числа, $=mi$ и $=tu$, но не для клитик третьего числа, $=di$ и $=du$.

5.2.0. Морфология

Л.я. обнаруживает определенное упрощение морфологической структуры по сравнению с хеттским, сохраняя вместе с тем ряд архаичных черт.

5.2.1. Морфологический тип языка

Л.я. относится к синтетическим флективным языкам, однако соединение морфем характеризуется большой прозрачностью с незначительным количеством сопутствующих фонологических и морфонологических чередований. Характерна суффиксация, синхронная префиксация отсутствует.

5.2.2. Состав и характер морфологических категорий

С формальной точки зрения в Л.я. выделяются следующие части речи: существительное (словоизменительные категории — число, падеж, ограниченное словоизменение по роду), прилагательное (словоизменительные категории — род, число, падеж), глагол (словоизменительные категории — залог, наклонение, время, лицо, число), неизменяемые. Все вышеперечисленные морфологические категории выражаются синтетически (суффиксально).

Согласовательные классы представлены двухродовой системой: общий род — средний род. Существительные, обозначающие одушевленных существ — божеств, людей, животных, — в большинстве случаев относятся к общему роду (ср. однако *huidar* (сред.) ‘животное’). Остальные существительные, видимо, могут относиться как к общему, так и к среднему роду без каких-либо очевидных правил семантической мотивации. Словоизменение по роду характерно для имени в функции подлежащего в переходной конструкции. Имена, обычно выступающие в среднем роде, в данной конструкции переводятся в общий род (см. 5.3.1). В остальных случаях род существительных является классифицирующей категорией.

Имеются два числа, единственное и множественное, и 6 падежей: номинатив, аккузатив, генитив, датив-локатив, аблатив-инструменталис, и вокатив. Названия падежей достаточно точно указывают на их семантику. Формальное (морфологическое) различие общего и среднего родов имеет место только в номинативе и аккузативе. Формы генитива и аблатива-инструменталиса не противопоставляются по числу. Формы среднего рода не противопоставляют именительный и винительный падежи. Иногда формы общего рода принимают множественное число среднего рода, которое в таком случае интерпретируется как собирательное. Известны следующие падежно-числовые показатели (суффиксы):

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
номинатив	-s	-Ø(+sa/za),	-inzi	-Ø, -a
аккузатив	-n	-n(+za)	-inza, -inzi	
генитив	-as, -assi, -assa			
датив-локатив	-i, -Ø, -ya		-anza	
аблатив-инструменталис	-adi			
вокатив	-Ø, -s	?	= ном.	?

Расширители $-sa$ и $-za$, восходящие к притяжательной клитике третьего лица, носят факультативный характер в текстах 2 тыс. до н.э. (напр. *parnan* и *parnanza* ‘дом’), но становятся обязательными в текстах 1 тыс. до н.э. Архаичное окончание ном.-акк. ед. ср. $-nza$ характерно для текстов, отражающих диалект Кицуватны, а его инновативный эквивалент $-nzi$ — для «имперского лувийского» и позднелувийского (ср. 6.0). Окончание датива-локativa $-Ø$ обычно встречается у a -основ не подвергшихся « i -мутации» и может рассматриваться как результат поглощения окончания $-i$ конечной гласной основы (см. ниже). Окончание датива-локativa $-ya$ является, по-видимому, вторичной контаминацией окончаний $-i$ и $-a + Ø = a$. Не удается обнаружить распределения между окончаниями генитива $-as$, $-assi$ и $-assa$.

Для удобства морфологического описания имени в соответствии с исходом основы разделяются на a -основы, a/i -основы, i -основы, u -основы и основы на согласные. Особенностью a -основ (напр. *huha-* ‘дед’, *ura-* ‘большой’) является ном.-акк. ед. ср. на $-n(+za)$, а также поглощение конечной гласной основы начального гласного окончания. Последнее приводит к омонимии (или, по крайней мере, омографии) ном. ед. общ. и ген. ед. общ. $-as$, а также акк. мн. ср. и дат. мн. $-anza$. Для основ на согласные характерны консонантные сандхи, напр. $\{zart-s\} \rightarrow zarza$ ‘сердце’, $\{tarut-sa\} \rightarrow tarusa$ ‘статуя’. Известны также случаи морфологической перестройки в определенных падежных формах. Так например, от *hirud-* ‘клятва’ (ср.) ожидался бы ном.-акк. ед. $*hiru$ с выпадением конечного $-d$. Однако по аналогии с a -основами образуется вторичный ном. ед. $*hiruwan$, который в свою очередь стягивается в *hirun* (кл. *hi-i-ru-u-un*). Особенностью i -основы и u -основ является эпентеза $-y-$ и $-w-$ перед окончанием, начинающимся с a (напр. ном.-акк. мн. ср. *haliya* от *hali-* ‘день’ и *aruwa* от *aru-* ‘высокий’).

Наиболее частотным, и одновременно наиболее своеобразным типом именного склонения являются *a/i*-основы. Ниже приводятся формы, склоняющиеся по данному типу, образованные от *ala/i*- ‘высокий’, *massana/i*- ‘бог’, *ara/i*- ‘время’, *immara/i*- ‘поле’, *arraya/i*- ‘длинный’, *parna*- ‘дом’, а также теонимов *alawaima/i*- и *annarumma/i*-.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
номинатив	alis, massanis	alan parnan(-za)	arrayinzi, massaninzi	ala, parna
аккузатив	alin, arin		alinza, arinzi	
генитив	immarassa, massanassi			
датель-локатив	ali, parni, ari		arrayanza, parnanza, massananza	
аблатив-инструменталис	aladi, arrayadi, aradi			
вокатив	alawaimi		annarumminzi	

Легко видеть, что формы, принадлежащих *a/i*-основам, обнаруживают чередование тематической гласной. Гласная *a* выступает в формах ном.-акк. ед.-мн. ср., ген., дат.-лок. мн. и инстр.-абл. Гласная *i* появляется на ее месте в ном.-акк.-вок. ед.-мн. общ. и дат.-лок.ед. Данный феномен традиционно именуется в анатолистике «*i*-мутацией», хотя исторически мы скорее имеем дело со смешением *a*-основ и *i*-основ, которое привело к их дополнительному распределению в парадигме. Побочным результатом данного процесса стало сокращение числа «чистых» *a*-основ и *i*-основ в Л.я. Формы, которые формально могут быть приписаны *i*-основам, на самом деле принадлежат в большинстве случаев притяжательным прилагательным на *-(i)ya*-, что следует из их семантики. Ср. напр. *tadiya*- ‘отцовский’, от которого образованы ном. ед. общ. *tadis*, акк. ед. общ. *tadin* (наряду с *tadiyan*), дат.-лок. ед. *tadi* (наряду с *tadiya*), ном. мн. общ. *tadinzi*, ном.-акк. мн. ср. *tadiya*, истр.-абл. *tadiyadi*. Морфологическая граница между *a*-основами, *a/i*-основами и *i*-основами является размытой, ср. напр. приводимое ниже склонение *ami(ya)*- ‘мой’ с формами образованными от *a*-основы.

Большинство прилагательных *a/i* класса сохраняют его во всех формах парадигмы согласно модели приведенной выше таблицы. Исключение составляют основы, которые в среднем роде переходят в согласный тип в среднем роде, напр. ном. ед. общ. *attuwalis* vs. ном.-акк. ср. *attuwal-za* ‘злой’, ном. ед. общ. *zammantis* vs. ном.-акк. ср. *zamman-za* ‘заколдованный (?)’. Исторически дело, разумеется, обстоит обратным образом, т.е. происходит тематизация консонантных основ в общем роде, которые начинают склоняться по продуктивному *a/i* типу. Принятая запись подобных «полуконсонантных» основ – *attuwal(i)*-, *zammant(i)*-. Прилагательные, принадлежащие к *a*- и *u*- основам, сохраняют тип склонения во всех формах парадигмы.

Морфологическое согласование по роду, числу и падежу происходит между существительным и относящимся к нему прилагательным. Между именем — субъектом предложения и глаголом происходит согласование по числу (глагол также согласуется с субъектом по лицу). Однако существительные во множественном числе среднего рода согласуются с глаголом в единственном числе. Особенностью лувийского языка является наличие притяжательных прилагательных, регулярно образуемых от существительных при помощи суффикса *-assa/i*- (реже *-ya*-). В диалекте Киццуватны притяжательные прилагательные на *-assa/i*- способны морфологически выражать число обладателя в ряде форм (ср. 6.0). Особенностью склонения притяжательных прилагательных является показатель дат.-лок. ед. *-an* (напр. *immarassan* ‘полевому’). Степени сравнения прилагательных не имеют морфологического выражения.

В большинстве случаев лувийские числительные выражаются специальными знаками как в клинописи так и в иероглифическом письме. Фонетически засвидетельствованы следующие количественные числительные: *duwa/i*- ‘два’, *tarra/i*- ‘три’, *mawa/i*- ‘четыре’ и *nuwa/i*- ‘девять’ (причем точный тип основы восстанавливается во всех случаях лишь гипотетически). Числительные не выделяются как отдельная часть речи по формальным признакам в Л.я. Количественные числительные ‘2’-‘4’ в большинстве случаев ведут себя как прилагательные множественного числа, числительное ‘1’ и числительные начиная с ‘5’ по своим формальным свойствам примыкают к прилагательным единственного числа. Например *tarrinzi hantawadinzi* ‘три царя’, *7 tarudi* ‘семи статуям’, где числительное ‘7’ согласуется с существительным во множественном числе, а числительное ‘3’ согласуется с существительным в единственном числе. Порядковое числительное ‘первый’ засвидетельствовано в иероглифической передаче как акк. ед. общ. *1-ti-na* (или наречие ‘во-первых’). Дистрибутивные числительные образуются при помощи суффикса *-su* (напр. *3-su* ‘трижды’).

Относительно полно засвидетельствованы лувийские местоимения. Для личных местоимений отмечаются тонические и энклитические формы. Тонические личные местоимения выделяются лишь для первого и второго лица, в качестве анафорических местоимений третьего лица используются указательные местоимения. Падежная парадигма личных местоимений неразвита, лишь для 2 ед. четко прослеживается контраст между формами номинатива и косвенного падежа. Относительно распределения форм множественного числа можно лишь утверждать, что *anzanza* и *unzanza* характерны для 1 тыс. до н.э. (что обозначается в таблице курсивом). Не засвидетельствовано недвусмысленных форм инструменталиса/аблатива от личных местоимений (словоформы 2 ед. *tu-wa/i-ri+i* и 2 мн. *u-za-ri+i* (иер.) могут интерпретироваться как принадлежащие личным или притяжательным местоимениям).

	1 ед.	2 ед.	1 мн.	2 мн.
НОМ.	amu	ti	anza(s) / <i>anzanza</i>	unza(s) / <i>unzanza</i>
КОСВ.		tu		

Энклитические личные местоимения встречаются чаще тонических и засвидетельствованы для всех трех лиц. Они появляются в «ваккернагелевской» позиции, т.е. после первого самостоятельного слова в клаузе (см. 5.3.1). Целесообразно рассматривать их вместе с энклитическим возвратным местоимением, с которым они совпадают по структуре. Типологической особенностью лувийских личных и возвратных местоимений является совпадение косвенных форм 2 и 3 лица, как в единственном, так и во множественном числе. Приведенные в таблице формы основаны на текстах 1 тыс. до н.э. Для 2-го тыс. до н.э. засвидетельствовано архаичное местоимение 3 мн. акк. =as, а также реконструируется =mmas как архаичный эквивалент =mmanza (реально встречающийся лишь в 3 мн. рефл.).

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
НОМ.	нет	нет	=as (общ.) / =ada (сп.)	нет	нет	=ada
АКК.	=mu	=du	=an (общ.) / =ada (сп.)	=anza	=mmanza	=ada
ДАТ.	=mu	=du	=du	=anza	=mmanza	=mmanza
ДАТ. РЕФЛ.	=mi	=di	=di	=anza	=mmanza	=mmanza

Указательные и относительные местоимения согласуются с существительным в роде, числе и падеже. Засвидетельствованы два указательных местоимения со сходным склонением, *za-* (ближний дейксис) и *aba-* (дальний дейксис). По типу склонения к ним примыкает вопросительное и относительное местоимение *kwa/i-* ‘кто, что; который’. От последнего может образовываться неопределенное местоимение с помощью энклитики =*ha* (напр. *kwis=ha* ‘некто’). В приведенной ниже таблице дается парадигма местоименного склонения, причем особые формы, встречающиеся лишь в 1 тыс. до н.э., обозначены курсивом. Формы ген. и абл.-инстр. от местоимения *kwa/i-* пока не засвидетельствованы или не идентифицированы.

	ед. ч.		мн. ч.	
	общ. р.	сп. р.	общ. р.	сп. р.
НОМ.	zas, kwis	za, kwi / <i>kwanza</i>	zinsi / <i>zanzi</i> , kuinzi	zaya, kwaya
АКК.	zan, kwin		zinsa / <i>zanzi</i> , kwinza / <i>kwinzi</i>	
ГЕН.	zassi			
ДАТ.-ЛОК.	zatti, abatti, kwatti		zattanza / <i>zattiyanza</i> , kwattanza	
ИНСТР.-АБЛ.	zin			

Особенностью лувийского языка по сравнению с хеттским являются тонические притяжательные местоимения, встречающиеся в иероглифических текстах. Наилучшим образом засвидетельствована парадигма *ami(ya)-* ‘мой’, идущая в формах среднего рода по *a*-склонению: ном. ед. общ. *amis*, акк. ед. общ. *amin*, ном.-акк. ед. ср. *amanza* (!), дат.-лок. ед. *ami*, инстр.-абл. *amiyadi*, ном.-акк. мн. общ. *aminzi*, ном.-акк. мн. ср. *ama* (!), дат. мн. *amiyanza*.

Грамматические категории лувийского глагола сходны с хеттскими. В Л.я. глагольная флексия используется для синтетического выражения следующих категорий:

1) Время и наклонение: презенс (настоящее-будущее время изъявительного наклонения), претерит (прошедшее время изъявительного наклонения), и императив (повелительное наклонение). Их удобно объединять в одну систему, поскольку формы императива не противопоставлены по времени.

2) Залог: актив и медиопассив. Формы медиопассива редки, поэтому указание на активный залог обычно опускается при глоссировке. Формы медиопассива могут иметь пассивное значение, напр. *aya-* (акт.) ‘делать’, *aya-* (мед.) ‘становиться’, но встречаются и отложительные глаголы, всегда употребляющиеся с медиопассивной флексией.

3) Лицо (согласование с субъектом): 1-е, 2-е и 3-е лицо.

4) Число (согласование с субъектом в общем роде): единственное и множественное.

Кроме того, глагольная флексия формальное противопоставление двух типов спряжения в 3 ед. през.и имп. (сходное противопоставление между *ti*-спряжением и *hi*-спряжением в хеттском распространяется и на другие элементы парадигмы). В применении к лувийскому языку можно говорить о *ti*-спряжении (3 ед. през.-*ti/-di*) и *i*-спряжении (3 ед. през.-*i*). Принадлежность глагола к одному из типов спряжения является словарной информацией (по лексическому распределению глаголов между типами спряжения Л.я. обычно соответствует хеттскому).

Вопрос о существовании категории вида в Л. я. недостаточно исследован. Можно утверждать, что если подобная категория и существует, она выражается не флексивно, а посредством глагольного основообразования. Подробнее см. 5.2.2.

При описании глагольной флексии следует учитывать феномен лениции (5.1.2). В приведенных ниже таблицах заглавная *T* обозначает морфему, которой в отдельных словоформах может соответствовать как напряженная *t(i)* так и ненапряженная *d*, распределенные в зависимости от типа глагольной основы. Формы, помеченные курсивом, встречаются лишь в первом тыс. до н.э.

Актив			Медиопассив	
	Ед. ч.	Мн. ч	Ед. ч.	Мн. ч
Презенс индикатива				
1	-wi	-unni	?	?
2	-si, -Ti(s)	-Tani,	?	-Tuwari
3	-Ti	-i	-(a)nti	-Tar(i), -ar(i)

Актив			Медиопассив	
	Ед. ч.	Мн. ч	Ед. ч.	Мн. ч
Претерит индикатива				
1	-(h)ha, -(h)han	?	-(h)hasi	?
2	-Ta	?	?	?
3	-Ta	-(a)nta	-Tasi, -asi,	-(a)ntasi

Актив			Медиопассив	
	Ед. ч.	Мн. ч	Ед. ч.	Мн. ч
Императив				
1	-llu	?	?	?
2	-Ø	-Tan, -danu	?	?
3	-Tu	-(a)ntu	-aru	?

Хотя пары 2 ед. през. акт. -si и -Ti(s), 3 ед. прет. мед. -Tar(i) и -ar(i) и 3 ед. прет. мед. -Tasi и -asi, отражают исторический контраст между -ti и -i спряжениями, их синхронное распределение не отвечает этимологическим ожиданиям. Так напр. *u-ttis* ‘пьешь’ соответствует хетт. *egu-ssi* по своему корню, но не по своему окончанию, а *izziy-ari* ‘он становится’ и *izziy-asi* ‘он стал’ родственны *izz-di* ‘он делает’. Поэтому данные дублетные формы не отражены в таблицах как два противопоставленных друг другу класса. Можно заключить, что противопоставление между -ti и -i спряжениями находится на пути к исчезновению в Л.я., что подтверждается ситуацией в родственном ликийском языке, где оно полностью устранено.

Примеры глагольных финитных форм:

- през. 2 л. ед. акт. *kars-ui* ‘режу’, *lala-wi* ‘беру’
- през. 2 л. ед. акт. *aya-si* ‘делаешь’, *nana-tti* ‘берешь’, *u-ttis* ‘пьешь’
- през. 3 л. ед. акт. *ari-tti* ‘поднимет’, *anni-di* ‘причинит’, *piya-i* ‘дает’
- през. 1 л. мн. акт. *hizza-unni* ‘передадим’
- през. 2 л. мн. акт. *as-tani* ‘вы есть’, *urnuwa-ttani* ‘возвеличите’
- през. 3 л. мн. акт. *hishiy-anti* ‘повязывают’, *lala-nti* ‘возьмут’
- през. 3 л. ед. мед. *ziy-ar*, *ziy-ari* ‘лежит’, *mamhwi-ttari* ‘?’, *papti-ttar* ‘?’
- през. 2 л. мн. мед. *nis az-tuwari* ‘не ешьте’, *nis ta-ttuwar* ‘не стойте’
- през. 3 л. мн. мед. *wass-antari* ‘одевают’, *lahhi-ntari* ‘идут в поход’
- прет. 1 л. ед. акт. *tabar-ha* ‘я правил’, *uba-hha* ‘я заложил’, *izzi-hha* ‘я сделал’
- прет. 2 л. ед. акт. *harwanni-tta* ‘ты послал’, *pubala-tta* ‘ты написал’
- прет. 3 л. ед. акт. *ari-tta* ‘он поднял’, *a-da* ‘он сделал’
- прет. 3 л. мн. акт. *aya-nta* ‘они делали’, *tumtanti-nta* ‘они слышали’
- прет. 1 л. ед. мед. *izzi-hhasi* ‘я сделал’
- прет. 3 л. ед. мед. *huhhassa-ttasi* ‘он бежал’, *iziy-asi* ‘он стал’
- прет. 3 л. мн. мед. *huhhassa-ntasi* ‘они бежали’
- имп. 1 л. ед. акт. *kuwayadallu* ‘пусть я внушаю страх!’
- имп. 2 л. ед. акт. *uppa* ‘принеси’, *tammanna* ‘смотри’
- имп. 3 л. ед. акт. *tammannattu* ‘пусть смотрит’, *manadu* ‘пусть видит’
- имп. 2 л. мн. акт. *azzastan* ‘ешьте’, *tumtantadanu* ‘слушайте’
- имп. 3 л. мн. акт. *as-antu* ‘пусть будут!’, *widai-ntu* ‘пусть ударят’
- имп. 3 л. ед. мед. *izziy-aru* ‘пусть станет’

Нефинитные формы глагола:

1) Склоняемое причастие с суффиксом *-(a)mma/i-*, образуемое от переходных и непереходных глаголов, и имеющее пассивное значение (напр. *kwayamma/i-* 'испуганный' от *kwaya-* 'бояться', *karsamma/i-* 'отрезанный' от *kars-* 'резать').

2) Инфинитив с суффиксом *-una*, напр. *i-una* 'идти', *lala-una* 'брать'.

3) Герундив с суффиксом **-m(m)in(a)*. Данная форма встречается лишь в текстах 1 тыс. до н.э., зафиксирована в иероглифической передаче как *-mi-na*, и не имеет точной фонетической интерпретации. Пример (в иероглифической орфографии): *DARE-mi-na* 'надлежит дать, *dandus*'.

Зафиксированы разряды наречий с различными семантическими функциями, напр. обстоятельства места, *kuwari* 'где', *zawi* 'здесь' (2 тыс. до н.э.), *zadi* 'здесь' (1 тыс. до н.э.); обстоятельства времени, напр. *ruwan* 'прежде' (1 тыс. до н.э.), *nanun* 'теперь', *zila* 'отныне'; обстоятельства образа действия, напр. *tarpa*, *tarp(i)wa* 'враждебно' (?), *wala* 'гибельно'. Продуктивным является образование адвербиальных форм от акк. сред. прилагательных, напр. *wasu* 'хорошо' от *wasu-* 'хороший', *aru* 'в высокой степени' от *aru-* 'высокий'.

Отдельно следует рассматривать класс лексем которые могут выступать в функции наречий, провербов, и послелогов (хотя обычно не во всех трех функциях для одной и той же лексемы). Например, наречие *parran* 'впереди', употребляясь вместе с зависимым существительным и местоимением, приобретает значение послелога 'перед'. Наречие *zanta* 'вниз' в сочетании с глаголом может приобретать идиоматическое значение напр. *zanta tubi-* 'поразить' vs. *tubi-* 'бить, ударять' (ср. англ. *to strike down*). Послелог *appan(i)* 'за, после' неотличим по форме от проверба, обозначающего повторное действие. Другие распространенные лексемы, принадлежащие к тому же классу – это *ahha* 'прочь', *annan* 'под(-)', *anni* 'с(-), вместе', *hanti* 'перед', *pari* 'пред-', *sarri* 'вверх, для', *sarra* 'на', *tawiyān* 'к, навстречу'. Предложенные выше переводы являются приблизительными, а детальное синхронное описание лувийских провербов, послелогов и пространственных наречий пока не произведено.

Лувийские сочинительные союзы с отчетливой семантикой – это клитики *=ha* 'и' и *=ba* 'а, но, же', оба из которых могут выступать в составе клитических комплексов в начале клаузы (см. 5.3.1), используя для синтаксического сочинения. Первый из них может также употребляться для соединения слов в словосочетании, выступая после второго компонента сочинительной конструкции (*X Y=ha* 'X и Y'). Подчинительные союзы *-tan* 'если' и *ahha* 'как', хотя фрагментарные контексты часто не позволяют отличить последний от омонимичного проверба. От этих однозначных союзов следует отличать элемент *a=*, часто выступающий в начале клауз перед клитическими комплексами, но не несущий при этом ясной семантической нагрузки (ср. хетт. *nu=*). Также не удается установить значение клитики *=wa*, которую иногда ошибочно именуют частицей цитированной речи. В ряде клинописных текстов 1 тыс. до н.э. эта клитика чередуется с клитикой *=gwa* (или сочетанием клитик *gu=wa=*?) в одной и той же позиции внутри клитического комплекса. В иероглифических текстах 1 тыс. до н.э. элемент *=wa* приобретает практически универсальный характер в составе клитических комплексов и поэтому может рассматриваться как универсальный демаркатор клауз.

Отрицание в Л.я выражается при помощи приглагольных частиц *nawa* (2 тыс. до н.э.) и *na* (1 тыс. до н.э.). Частицы запретительного отрицания – архаичная частица *nis* (2 - 1 тыс. до н.э.) и ее инновативный эквивалент *ni* (1 тыс. до н.э.). В комбинации с клитикой *=ba*, три из этих четырех частиц (*na=ba*, *ni=ba* и *nis=pa*) приобретают значение 'или'. Также следует упомянуть локативную частицу *=(i)ta* (приблизительный эквивалент хетт. *=(k)kan*), часто появляющуюся на конце клитического комплекса. В текстах 2 тыс. до н.э. встречается в той же позиции еще одна локативная частица *=dar / =tar*, приблизительный эквивалент хетт. *=(š)šan*.

5.2.3. Словообразование.

Словообразование в Л.я по преимуществу суффиксальное, при ограниченной роли редупликации и следах префиксации.

Продуктивные именные суффиксы:

- *-ahid-*, образует абстрактные имена, напр. *hantahid-* 'нахождение впереди' от *hanti* 'перед', *hantawadahid-* 'царская власть' от *hantawada/i-* 'царь' *yunahid-* 'движимое имущество' от *yuna* 'идти' (инф.).

- *-alla/i-* образует прилагательные и существительные, напр. *targasnalla/i-* 'погонщик ослов' от *targasna(i)-* 'осел', *warpalla/i-* 'сильный' от *warpa/i-* 'сила'.

- *-amma/i-* регулярно образует причастия от глаголов, см. 5.2.2.

- *-anti-* используется для перевода существительных среднего рода в общий род (см. 5.3.1).

- *-assa/i-* образует притяжательные прилагательные от существительных, напр. *tuliyassa/i-* 'относящийся к собранию' от *tuliyā-* 'собрание', *harratnassa/i-* 'относящийся к преступлению' от *harratar* 'преступление'.

- *-(a)wanna/i-*, образует прилагательные от имен собственных, напр. *adanawanna/i-* 'из города Адана', *harranawanna/i-* 'из города Харран'.

- *-(i)ya-*, образует притяжательные прилагательные от существительных, напр. *tadiya-* 'отцовский' от *tada/i-* 'отец', *napiya-* 'братский' от *nana/i-* 'брат'.

- *-izza-*, образует прилагательные от имен собственных, напр. *tauriszizza-* ‘из города Тавриса’, *karkamisizza-* ‘из города Каркемиш’.

- *-id-*, используется для адаптации иноязычных (прежде всего хурритских) заимствований, напр. *abid-* ‘жертвенная яма’ (хурр. < акк. < шум.), *irimpid-*, *irippid-* ‘кедр’ (хурр. < акк.).

Л.я. не развил продуктивных моделей образования отглагольных существительных, имеющиеся модели в основном унаследованы из общеоанатолийского состояния. Примеры старых гетероклитических суффиксов: *tarmattar /tarmatn-* ‘закрепление’ от *tarm(a)i-* ‘прибивать гвоздями’, *hwidumar / hwidumn-* ‘жизнь’ от **hwid-* ‘жить’. От глагольных основ могут образовываться существительные с суффиксом *-da/i-*, напр. *kubiyada/i-* ‘план, заговор’ от *kub-*, **kubiya-* ‘замышлять’, *ubadid-* ‘вотчина, домен’ (со вторичным суффиксом *-id-*) от *uba-* ‘основать’.

Размер корпуса не всегда позволяет выделить продуктивные средства глагольного основообразования. Если, однако, правомерна гипотеза о существовании категории вида или способа действия в лувийском глаголе, хотя бы некоторые из предположительных показателей данной категории следует считать продуктивными. К ним относятся:

- *-ssa-*, напр. *sahhanissa-* ‘обременять’, предположительно от **sahhani(ya)-* ‘обременить, обложить налогом’, в свою очередь произведенного от *sahhan-* ‘барщина’ (?). В ряде случаев данный суффикс лексикализован, напр. *iya-ssa-* ‘купить’.

- *-zza-*, напр. *tazza-* ‘стоять, оставаться’ от *ta-* ‘стать’. В ряде случаев данный суффикс лексикализован, напр. *assazza-* ‘сказать’ (1 тыс. до. н.э.), соответствует глаголу *assa-* с тем же значением (2 тыс. до. н.э.).

- редупликация, напр. *tamtanna-* ‘смотреть (благоклонно)’ от *mana-* ‘взглянуть, видеть’, *aya-* < **yaya-* ‘делать’ от *a-* < *ya-* ‘сделать’. Данная функция редупликации отличает лувийский язык от хеттского, где глагольная редупликация малопродуктивна.

- сочетание редупликации и суффиксации, напр. *pippassa-* ‘давать’ от *piya-* ‘дать’, *hwiwhwasssa-* > *huhhassa-* ‘бегать’ от *hwiya-* ‘бежать’.

Хорошо засвидетельствован каузативный суффикс *-nuwa-*, напр. *hwinuwa-* ‘заставить бежать’ от *hwiya-* ‘бежать’, *tanuwa-* ‘установить’ от *ta-* ‘стать’. Тот же самый суффикс может образовывать фактитивы от прилагательных, напр. *urnuwa-* ‘возвеличить’ от *ura-* ‘великий’. Есть основания предполагать, что именно фактитивное значение *-nuwa-* является первичным, а сам суффикс содержит исторический элемент *-u-*, использовавшийся для образования адъективных основ (ср. архаичный фактитив *usnuwa-* ‘благодетельствовать’ от *wasu-* ‘хороший’. Глагольный суффикс *-iya-* (стягивающийся в *-i-*) обладает широким спектром функций, ср. *harwanniya-* ‘отправлять’ от *harwanna/i-* ‘путь’, *wasiya-zza-* (и *wasazza-*) ‘быть дорогим, удобным’ от *wasu-* ‘хороший’, *walliya-* ‘поднимать, возвышать’ (непроизводный глагол). Другие глагольные основообразующие элементы, *-(a)i-*, *-a(i)-*, *-a-/i-* являются синхронно менее продуктивными, а их описание затруднено частым совпадением отдельных форм на письме.

В глагольной системе сохраняются следы анатолийских префиксов ориентации **au-* (центростремительное движение) и **pe-* (центробежное движение). Ср. *awi-* ‘приходить’ vs. *i-* ‘идти’ и *piya-* ‘дать’ vs. *iya-ssa-* ‘купить’. Синхронный статус глагольных префиксов в Л.я. неясен.

5.3.0. Синтаксис

5.3.1. Структура простого предложения

Л.я. относится к числу левоветвящихся языков с каноническим порядком слов SOV и препозицией зависимых элементов в именных словосочетаниях. Большое количество отклонений от канонического порядка слов обусловлено коммуникативной и ритмической организацией предложения. Несмотря на отсутствие особого эргативного падежа, Л.я. примыкает по своей структуре к языкам с расщепленной эргативностью. Лексемы среднего рода не могут выступать в функции агенса, поэтому оказываясь в позиции подлежащего переходного глагола, они переводятся в общий род, приобретая при этом суффикс *-anti-*. Те же лексемы сохраняют свой средний род и не различаются по форме в функциях пациенса и субъекта непереходного глагола.

Важной особенностью лувийского языка является наличие клитических комплексов, примыкающих к первому самостоятельному элементу клаузы (включая союз *a=*). Порядок клитик внутри клитического комплекса определяется исключительно их рангом, отраженным в приведенной ниже таблице, и не зависит от синтаксической структуры клаузы. Примеры клитических цепочек: *zanzi=ha=wa=mi* (‘эти=и=част.=себе’), *anni=ba=wa=du=tta* (‘вместе=же=част.=ему=лок.’), *a=wa=mi=an* ‘част.-част.-себе-его’. Неупорядоченность номинативных и аккузативных клитик друг относительно друга объясняется невозможностью их одновременного появления в клитическом комплексе. В Л. я., как и в хеттском, действует правило, запрещающее появление номинативных клитик в предложениях с переходными глаголами.

1	2	3	4	5	6
Союзы =ha, =ba	Частицы =wa, =gwa	Дативные местоименные	Рефлексивные местоименные	Номинативные и аккузативные	Локативные частицы

Хотя значение глагола *appani anda walliya* ‘благоволить(?)’, образованного при помощи превербов от *walliya*- ‘поднимать, возвышать’, устанавливается лишь приблизительно, его непереходный характер следует из употребления номинативного клитического местоимения *=(a)s* во второй клаузе (ср. 5.3.1). Отсюда, в свою очередь, следует невозможность анализа *atrin* как винительного падежа от *atri*- ‘душа’, и необходимость его адвербиальной интерпретации.

Для образования сложноподчиненных предложений в Л.я. используются формы относительного местоимения *kwa/i*-, местоименные наречия (напр. *kwitta(n)* ‘где’, *kuman* ‘когда’), подчинительные союзы (см. 5.2.2). Порядок слов в главных и придаточных предложениях принципиально не отличается друг от друга. Придаточное предложение может как предшествовать главному, так и следовать за ним, но первый случай чаще встречается в текстах. В частности, это обязательный порядок слов в предложениях с неопределенным придаточным относительным, которые характерны для формул проклятия и поэтому составляют наиболее частотный тип придаточных предложений в Л.я.

В приведенном ниже примере относительное местоимение *kwis* не имеет выраженного референта и поэтому может переводиться как ‘кто бы ни’. Подчинительный союз *ahha* используется для выражения сравнения, но не вводит придаточное предложение. Другой интересной особенностью данного примера является притяжательное прилагательное с морфологически выраженным множественным числом посессора, характерное для диалекта Киццуватны (см. 6.0). Глагольная редупликация в *tadarh-antu*, возможно объясняется множественным числом объекта *nadatt-a*, т.е. имеет дистрибутивную функцию.

ku-iš-tar	ma-al-ha-aš-ša-aš-ša-an-za-an	EN-ya
<i>kwi-s=tar</i>	<i>malhass-ass-anz-an</i>	<i>nani-ya (?)</i>
кто-НОМ.ЕД.ОБЩ=ЧАСТ	ритуал-ПРИТ-МН.ПОСС-ДАТ.ЕД	ГОСПОДИН-ДАТ.ЕД

a-ad-du-wa-la	a-an-ni-ti	a-an	DINGIR.MEŠ-in-zi
<i>attuwal-a</i>	<i>anni-di</i>	<i>a=an</i>	<i>massani-nzi</i>
зло-АКК.МН.СР	делать-3.ЕД.ПРЕЗ.	ЧАСТ=он.АКК.ЕД.ОБЩ	бог-НОМ.МН.ОБЩ

a-ah-ha	na-a-ta-at-ta	ta-ta-ar-ha-an-du
<i>ahha</i>	<i>nadatt-a</i>	<i>tadarh-antu</i>
как	тростинка-НОМ.МН.ОБЩ	ломать-3.МН.ИМП

‘Кто бы ни причинил зло заказчику ритуалов, пусть боги **переломают** его как тростинки’.

5.4.0. Генетическая и ареальная характеристика лексики

Базисная лексика лувийского языка в основном имеет исконный характер. Более того, несмотря на длительный период сосуществования хеттских и лувийских языковых сообществ в составе хеттского царства, не отмечается существенного пласта хеттских заимствований в сфере лувийской административной и религиозной лексики (при наличии таких заимствований из лувийского в хеттский). Это, вероятно, свидетельствует об устоявшейся традиции хеттского и лувийского двуязычия, при которой хеттские термины систематически переводились на родственный Л. я. его носителями, пытавшимися защитить свой язык от хеттского влияния.

Наиболее значительный пласт иноязычной культурной лексики в Л.я. представлен хурритскими заимствованиями. Он включает в себя как собственно хурритские лексемы, так и заимствования из шумерского и аккадского языков через хурритское посредничество. Многие из этих лексем сопровождаются суффиксом *-id-* в лувийских текстах, напр. лув. *nathid-* ‘кровать’ < хурр. *nathī* ‘id.’, лув. *kishid-* ‘стул’ < хурр. *kešhi* ‘id.’ (ср. акк. *kussū*, шум. ^{GIŠ}GU.ZA ‘id.’), лув. *hazizid-* ‘ритуальная модель уха’ < хурр. *haz(z)iz(z)i-* ‘ухо, мудрость’ < акк. *hasīsu* ‘ухо, мудрость’. Наличествует также определенное количество непосредственных заимствований из семитских языков, напр. *halal(i)-* ‘ритуально чистый’ из западносемитского, или *hazz(iy)ana/i-* ‘градоначальник’ из аккадского.

Вопрос о возможной идентификации субстратной лексики в Л.я. является дискуссионным. В частности, высказывалось предположение об общем источнике лув. *tabar-* ‘править’ и гр. *λαβύρινθος*, мик. *da-pu₂-ri-to-* ‘лабиринт’, первоначально, вероятно, название царского дворца в Кноссе. Также заслуживает внимания сопоставление между лув. *tuwarsa/i-* ‘виноградник’ и гр. *θύρσος* ‘тирс, жезл, увенчанный плющем’. В обоих случаях гипотеза о лувийском заимствовании в греческий наталкивается на серьезные фонетические трудности, а гипотеза о греческом заимствовании в лувийский исключена по семантическим соображениям. Для строгого обоснования гипотезы о принадлежности источника данных заимствований к доиндоевропейскому лексическому фонду эгейско-малоазиатского региона необходимо обнаружение дополнительных примеров со сходными соответствиями.

6.0 Сведения о диалектах

Для второй половины 2-го тыс. до н.э. выделяются следующие основные диалекты Л.я.:

а) Диалект Кищуватны – области на юге Анатолии, частично соответствующей классической Киликии. Засвидетельствован, в основном, посредством лувийских заклинаний в хеттских ритуалах из Кищуватны.

б) «Имперский лувийский». Отражен в лувийских гостевых словах в официальных хеттских текстах, часто помеченных особым знаком – «глоссовым клином», а также в иероглифических надписях последних хеттских царей.

в) Диалект Истанувы – поселения, предположительно локализуемого в долине реки Сакарья в западной части центральной Анатолии. Отражен в строчках из лувийских песен, включенных в хеттские ритуалы из Истанувы.

Лувийские тексты 1-го тыс. до н.э. обнаруживают большую однородность. Их диалект, по видимому, восходит к «имперскому лувийскому», и в настоящей очерке именуется позднелувийским.

К несомненным инновациям «имперского лувийского», сохраняющимся также и в позднелувийском, относится обобщение именного окончания им.мн.общ. *-(i)nzi* на вин.мн.общ. (ср. 5.2.2) и постепенная замена глагола *-a(ya)-* ‘делать’ синонимичным глаголом *izziya-*. Вероятной инновацией «имперского лувийского», также сохраняющейся в позднелувийском, является повсеместное распространение клитики *=wa* с потерей ее исходной семантики (ср. 5.2.2). К специфическим инновациям диалекта Кищуватны можно отнести обобщение имперфективного показателя *-ssa-* за счет *-zza-* (ср. 5.2.3) и почти полное обобщение конструкции с притяжательным прилагательным за счет унаследованного родительного падежа.

Можно предполагать хурритское субстратное влияние на лувийский диалект Кищуватны. Особенностью данного диалекта является маркировка числа посессора в притяжательном прилагательном, причем морфема множественного числа посессора следует в цепочке суффиксов за маркером притяжательности, напр. *massan-ass-anz-ādi* ‘бог-ПРИТ-МН.ПОСС-ИНСТР’ т.е. ‘принадлежащим богам, божьим’. Подобный порядок аффиксов является типологически аномальным (ожидалось бы выражение числа посессора перед притяжательным суффиксом), однако находит свое объяснение как калька синонимичной хурритской конструкции с выпадением падежного показателя по морфонологическим причинам, напр. *{en-až-we-ae} → /enažae/* ‘бог-МН-(РОД)-ИНСТР’ т.е. ‘принадлежащим богам, божьим’. Предполагается, что поверхностная последовательность хурритских морфем МН-ИНСТР калькировалась лувийским притяжательным прилагательным в диалекте Кищуватны, помещаясь справа от притяжательной основы, унаследованной из общелувийского. Впрочем, классифицирующий характер данной изоглоссы находится под вопросом, поскольку можно предполагать проникновение соответствующей конструкции в отдельные тексты, принадлежащие «имперскому лувийскому».

Для позднелувийского языка характерна прогрессирующая нейтрализация *-d-*, *-l-*, *-r-* и иногда *-n-* в интервокальной позиции. Традиционно данный процесс рассматривается как ротацизм, поскольку результат нейтрализации передавался в иероглифической орфографии знаками *<ra/i>* и *<ru>*, напр. *wa/i+ra/i-* (иер.) *< wala-* ‘умирать’, *á-ra+a* (иер.) *< ada* ‘сделал (3 ед.)’, *ma-ru-ha* (иер.) *< manuha* ‘когда-либо’. С фонетической точки зрения, вероятнее, однако, интерпретация результата нейтрализации как одноударного [r]. Для позднелувийских текстов в целом также характерна нерегулярная эпентеза *-sr-* *> str-*, напр. *isra/i-* *> istra/i-* ‘рука’, а для текстов после 850 до н.э. – выпадение частицы *a=* (фонетически, вероятно [ə]) перед клитическими комплексами из двух или более элементов, напр. *wa=n* *< a=wa=n* ‘(и) его’. В целом, позднелувийский период характеризуется быстрой фонетической эволюцией Л.я., лишь частично отражаемой в письменных текстах.

Литература

- Goedegebuure, Petra. 2007. “The Hieroglyphic Luwian demonstrative ablative-instrumentals *zin* and *apin*”. *VI Congresso Internazionale di Ittologia, Roma, 5-9 settembre 2005*. A. Archi und R. Francia (eds.). Part I (SMEA 49). Pp. 319-34.
- Hawkins, J. David. 1995. *The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattisa (SÜDBURG)*. StBoT, Beiheft 3. Wiesbaden: Harrassowitz.
- _____. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Volume I. Part I, II: Texts; Part III: Plates. Berlin-New York: de Gruyter.
- Hawkins, J. David, Anna Morpurgo-Davies, Anna, and Günter Neumann. 1974. “Hittite Hieroglyphs and Luvian: New Evidence for the Connection”. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen (Philologisch-historische Klasse)* 6: 145-97.
- Herbordt, Suzanne. 2005. *Die Prinzen- und Beamtensiegel der hethitischen Grossreichszeit auf Tonbullien aus dem Nişantepe-Archiv in Hattusa*. BoHa 19. Mainz: von Zabern.
- Ivanov, Vyacheslav. 2002. Review of Hawkins 2000. *Indo-European Studies Bulletin* 10/1: 1–17.
- Jasanoff, Jay. 2010. “The Luvian “case” in *-ša/-za*”. *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European studies in Honor of H. Craig Melchert*. R. Kim et al. (eds.). Ann Arbor : Beech Stave Press. Pp. 167-79.
- Laroche, Emmanuel. 1959. *Dictionnaire de la langue luvite*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- _____. 1960. *Les hiéroglyphes hittites*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.

- Marazzi, Massimiliano. 1990. *Il geroglifico anatolico: problemi di analisi e prospettivi di ricerca*. Rome: Università "La Sapienza".
- Melchert, H. Craig. 1987. "PIE velars in Luvian". *Studies in Memory of Warren Cowgill (1929-1985)*. C. Watkins (ed.). Berlin-New York: de Gruyter. Pp. 182-204.
- _____. 1993. *Cuneiform Luvian Lexicon*. Chapel Hill: self-published.
- _____. 1994. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi.
- _____. (ed.) 2003. *The Luwians*. HdO 1/68. Leiden-Boston: Brill.
- _____. 2010. "Spelling of Initial /A-/ in Hieroglyphic Luwian". *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday*. I. Singer (ed.). Tel-Aviv: Institute of Archaeology, 2010. Pp. 147-58.
- Morpurgo-Davies, Anna. 1980/81. "The personal endings of the Hieroglyphic Luwian verb". *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 94: 86-108.
- _____. 1982/83. "Dentals, Rhotacism and Verbal Endings in the Luwian Languages". *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 96: 245-70.
- Payne, Annick. 2010. *Hieroglyphic Luwian: An Introduction with Original Texts*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Poetto, Massimo. 1993. *L'iscrizione luvio-geroglifica di Yalburt*. StMed 8. Pavia: Gianni Iuculano.
- Plöchl, Reinhold. 2003. *Einführung ins Hieroglyphen-Luwische*. DBH 8. Dresden: Technische Universität Dresden.
- Rieken, Elisabeth. 2005/06. "Zum hethitisch-luwischen Sprachkontakt in historischer Zeit". *Altorientalische Forschungen* 33: 271-85.
- _____. 2008. "Die Zeichen <ta>, <tá> und <tà> in den hieroglyphen-luwischen Inschriften der Nachgroßreichszeit". *VI Congresso Internazionale di Ittitologia, Roma, 5-9 settembre 2005*. A. Archi und R. Francia (eds.). Part II (SMEA 50). Pp. 637-49.
- Rieken, Elisabeth and Ilya Yakubovich. "The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172". *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday*. I. Singer (ed.). Tel-Aviv: Institute of Archaeology, 2010. Pp. 199-219.
- Starke, Frank. 1985. *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. StBoT 30. Wiesbaden: Harrassowitz.
- _____. 1990. *Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens*. StBoT 31. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Yakubovich, Ilya. 2008a. "Hittite-Luvian Bilingualism and the Origin of Anatolian Hieroglyphs". *Acta Linguistica Petropolitana* 4/1: 9-36.
- _____. 2010. *Sociolinguistics of the Luwian Language*. Leiden: Brill.